

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

СЕРИЯ

ФИЛОСОФСКАЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

С. Ю. Бородай

ЯЗЫК И ПОЗНАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ В ПОСТРЕЛЯТИВИЗМ

2-е издание,
исправленное и дополненное

Издательский Дом ЯСК
Москва
2026

УДК 16
ББК 87.22
Б83

*Утверждено к печати решением
Ученого совета Института философии РАН*

Ответственные редакторы:
*доктор философских наук, академик РАН В. А. Лекторский
доктор философских наук, академик РАН А. В. Смирнов*

Рецензенты:
*доктор философских наук Е. О. Труфанова
доктор филологических наук М. А. Кронгауз*

Бородай С. Ю.

Б83 Язык и познание: Введение в пострелятивизм / С. Ю. Бородай; отв. ред. В. А. Лекторский, А. В. Смирнов. — 2-е изд., испр. и дополн. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2026. — 768 с. — (Философская и лингвистическая антропология.)

ISBN 978-5-907498-94-5

В книге рассматривается вопрос о воздействии структуры языка на познавательные способности его носителей, или проблема лингвистической относительности. В первом разделе представлен подробный анализ развития релятивистских идей с конца XVIII в. по 1990-е гг. Во втором разделе рассматриваются компаративные исследования 1990–2010-х гг., посвященные пространственной семантике, концептуализации времени, цветообозначениям и другим эмпирическим и теоретическим проблемам, связанным с тем, что можно охарактеризовать как неорелятивистское направление в психолингвистике и когнитивной антропологии. В третьем разделе представлена новая модель взаимосвязи структуры языка и когнитивных процессов, названная автором пострелятивизмом; также намечена программа будущих пострелятивистских исследований. На обширном материале (около 250 языков и несколько сотен эмпирических исследований) демонстрируется, что язык в режиме реального времени вовлечен в работу многих познавательных механизмов, и это отражается на характере когнитивного стиля его носителей.

УДК 16
ББК 87.22

ISBN 978-5-907498-94-5

© С. Ю. Бородай, 2026
© Институт философии РАН, 2026
© Издательский Дом ЯСК, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ	7
ВВЕДЕНИЕ	9

РАЗДЕЛ 1. РАННИЕ ТЕОРИИ

ГЛАВА 1. Немецкая лингвофилософия	21
§ 1.1. Онтологический контекст	21
§ 1.2. Ранний период	22
§ 1.3. Вильгельм фон Гумбольдт и его последователи	26
§ 1.4. Лео Вайсгербер и неогумбольдтианство	35
§ 1.5. Выводы	41
ГЛАВА 2. Американский структурализм	43
§ 2.1. Предпосылки развития релятивистских идей	43
§ 2.2. Франц Боас	45
§ 2.3. Эдвард Сепир: ранний период творчества	54
§ 2.4. Поздние релятивистские идеи Сепира	62
ГЛАВА 3. Бенджамин Уорф: жизнь и творчество	70
§ 3.1. Биография	70
§ 3.2. Природа языка	78
§ 3.3. Внутриязыковая категориальная организация	86
§ 3.4. Лингвоспецифичная сегментация опыта	92
§ 3.5. Конфигурационная лингвистика в контексте языковедческой традиции	98
§ 3.6. Отношение норм поведения и мышления к языку	101
§ 3.7. Лингвистика, логика и наука	115
§ 3.8. Этнолингвистика	134
§ 3.9. Теоретическая модель Уорфа: реконструкция	145
ГЛАВА 4. Развитие релятивистских и структуралистских идей в 1950–1990-е гг.	159
§ 4.1. Ранние исследования	159
§ 4.2. Экспериментальная проверка «гипотезы Сепира-Уорфа» в 1950–1980-е гг.	165
§ 4.3. Критические работы	175
§ 4.4. Лингвистическая антропология	193
§ 4.5. Становление неорелятивизма	202
§ 4.6. От Гамана к Левинсону: краткий анализ	211

РАЗДЕЛ 2. НЕОРЕЛЯТИВИЗМ

Глава 5. Концептуализация пространства	225
§ 5.1. Системы ориентации	227
§ 5.2. Аборигены гуугу йимитир.	233
§ 5.3. Индейцы цельталь	242
§ 5.4. Масштабные компаративные проекты.	248
§ 5.5. Тонганцы.	254
§ 5.6. Балийцы и другие народы	261
§ 5.7. Дейктические жесты	267
§ 5.8. Усвоение систем ориентации	270
§ 5.9. Нейронные корреляты	276
§ 5.10. Интерпретация полученных результатов	277
§ 5.11. Выводы и перспективы.	285
§ 5.12. Дополнение: многообразие систем ориентации	286
Глава 6. Цветообозначения и восприятие	297
§ 6.1. Универсализм в семантике	298
§ 6.2. Релятивизм в семантике	300
§ 6.3. Категориальное восприятие	303
§ 6.4. Восприятие цвета и усвоение языка	307
§ 6.5. Выводы и перспективы.	308
Глава 7. Другие категории	310
§ 7.1. Время	310
§ 7.2. Путь и манера движения.	319
§ 7.3. Аспект.	329
§ 7.4. Классификаторы	334
§ 7.5. Именные классы	343
§ 7.6. Числительные	346
§ 7.7. Топологические отношения	356
§ 7.8. Агенс и пациенс.	361
§ 7.9. Эвиденциальность.	364
§ 7.10. Условные конструкции.	366
Глава 8. Теоретический контекст	368
§ 8.1. Интеграция результатов: модели лингвистической относительности	368
§ 8.2. Место языка в когнитивной архитектуре: обзор теорий	374
§ 8.3. Усвоение языка и реструктурирование когнитивности.	383
§ 8.4. Билингвизм	389
§ 8.5. Нейрофизиология и нейропластичность.	393
§ 8.6. Когнитивная антропология	396

§ 8.7. Резюме: эмпирические и теоретические достижения неорелятивизма	399
--	-----

РАЗДЕЛ 3. ПОСТРЕЛЯТИВИЗМ

Глава 9. Трансформирующая функция языка	409
§ 9.1. Глухие от рождения и хомсайнеры	409
§ 9.2. Репрезентативные и процессуальные инновации	411
§ 9.3. Резюме: преимущества вербального разума.	417
Глава 10. Языковая система: грани лингвоспецифичности	419
§ 10.1. Семантическая структура.	419
§ 10.2. Внутренняя форма	426
§ 10.3. Радикальная грамматика конструкций	445
§ 10.4. Резюме: язык в пострелятивистской парадигме	453
Глава 11. Значение, симуляция и концептуальная система	458
§ 11.1. Спектр подходов к семантическим репрезентациям.	460
§ 11.2. Конкретные значения	468
§ 11.3. Метафорические значения	477
§ 11.4. Фиктивное движение	485
§ 11.5. Грамматические значения	491
§ 11.6. Интегральный объяснительный механизм: перцептивные символы	498
§ 11.7. Субъективное измерение: ментальная модель.	503
§ 11.8. Выводы.	508
Глава 12. Вовлеченность языка в «невербальную» когнитивность.	510
§ 12.1. Обратная связь сигнификата	510
§ 12.2. Фонологическая петля	514
§ 12.3. Внутренняя речь	518
§ 12.4. Резюме: вербальное в «невербальном».	529
Глава 13. Лингвоспецифичность отдельных процессов.	530
§ 13.1. Механизм категоризации	530
§ 13.2. Последствия лексикализации и грамматикализации.	534
§ 13.3. Конструирование ментальной модели	540
§ 13.4. Структура языка и когнитивные системы	552
§ 13.5. Резюме: проявления лингвоспецифичности	562
Глава 14. Место языка в когнитивной архитектуре	566
§ 14.1. Основные положения	566
§ 14.2. Эскиз интегральной модели.	571

§ 14.3. Семантическое и концептуальное	580
§ 14.4. Перевод, понимание и коммуникация.	587
§ 14.5. Пострелятивистский исследовательский проект.	594
§ 14.6. Актуальность для философии	601
Глава 15. Пострелятивизм и языковое многообразие	607
§ 15.1. Полисинтезизм и инкорпорация	609
§ 15.2. Эвиденциальность	619
§ 15.3. Время и темпоральная дистанция	623
§ 15.4. Субстантивное время	627
§ 15.5. Дейксис	630
§ 15.6. Именные классы	632
§ 15.7. Классификаторы	636
§ 15.8. Другие категории и системы	639
Заключение	642
Приложение. Об индоевропейском мировидении	645
Список сокращений	683
Список литературы	687
Указатель имен	648
Указатель языков	754
Указатель терминов	760

К ЧИТАТЕЛЮ

Идея подготовить курс лекций по проблеме взаимосвязи языковой структуры и когнитивных способностей родилась у меня осенью 2011 г. после прочтения известной статьи Б. Уорфа «Отношение норм поведения и мышления к языку». Эта статья поразила меня, поскольку в ней было представлено принципиально иное видение действительности, характерное для индейцев хопи. В первой половине 2012 г. я ознакомился с фундаментальными монографиями и обзорами по теме лингвистической относительности. Из них стоит выделить монографию С. Левинсона «Пространство в языке и познании», которая во всех отношениях является революционной. Летом 2012 г. мной был подготовлен план лекционного курса по этой теме, однако мне не удалось договориться о его чтении. Основу книги в ее нынешнем варианте составили главы, написанные в 2012–2014 гг. В 2017 г. было написано еще несколько глав, а также существенно отредактирован текст, подготовленный ранее.

Особую благодарность хотелось бы выразить следующим людям из академического сообщества, без которых эта книга не могла бы состояться. Прежде всего, это доктор филологических наук Илья Сергеевич Якубович, который привил мне интерес к лингвистике в целом и к индоевропеистике в частности, а кроме того, оказывал поддержку во всей моей научной деятельности. Я также благодарен докторам филологических наук Екатерине Владимировне Рахилиной и Владимиру Александровичу Плунгяну за то, что они проявили интерес к моим первым лекционным наброскам и подтвердили важность и необходимость дальнейшего развития этой темы. Я признателен доктору философских наук Андрею Вадимовичу Смирнову за то, что он всячески поддерживал меня на поздних этапах работы над книгой и давал ценные советы; без его участия эта книга, вероятно, не была бы завершена. Отдельные главы книги были прочитаны и другими моими коллегами, которым я благодарен за полезные замечания и наблюдения. Разумеется, эта книга не могла бы быть написана без любви и поддержки со стороны моих родителей и брата.

Во второе издание внесены небольшие стилистические и фактологические правки. Оно открывает серию «Философская и лингвистическая антропология», задача которой — отразить богатство человеческого опыта, представив широкую палитру философских и языковых концептуализаций (подробнее о ней см. в конце книги). За финансовую поддержку в переиздании работы благодарю своих родственников, друзей и коллег!

С. Ю. Бородай
научный сотрудник Института философии РАН,
заместитель директора Центра философии сознания
и когнитивных наук (ИФ РАН)

31.03.2026

ВВЕДЕНИЕ

«Как раз собственное существо языка — то, что язык озабочен только самим собой, — никому не ведомо»

Новалис

Австралийские аборигены гуугу йимитир ориентируются по сторонам света: вместо того чтобы сказать «Человек стоит *слева* от дерева», они говорят «Человек стоит *к востоку* от дерева» или «Человек стоит *к северу* от дерева». Такая система требует постоянного и бессознательного умения определять направление сторон света и свое расположение относительно них, поэтому аборигены обладают прекрасными способностями к ориентированию на местности, которые превосходят даже способности специально обученных почтовых голубей. Мы не знаем, как аборигены гуугу йимитир представляют себе течение времени, однако известно, что австралийские аборигены куук тайоре, у которых имеется сходная система пространственной ориентации, мыслят время как движущееся с востока на запад. Эта метафора отличается от той, что распространена в европейских языках: носители английского языка, например, склонны считать, что будущее находится впереди, а прошлое — позади. В этой модели учитывается положение человека, поскольку проекция будущего и прошлого зависит от положения тела, и известно, что в процессе представления будущих или прошлых событий англичане бессознательно наклоняются вперед или назад соответственно. С ними готовы поспорить южноамериканские индейцы аймара, которые, напротив, полагают, что впереди находится прошлое, а позади — будущее, хотя их объединяет с англичанами то, что и в этой модели учитывается положение говорящего. Совсем иначе обстоит дело у папуасов юпно, которые связывают течение времени с главным холмом: время течет по холму, так что прошлое находится внизу холма, а будущее — наверху, и положение говорящего не имеет значения. Приведенные примеры характеризуются тремя общими чертами: во-первых, они касаются фундаментальных категорий человеческого опыта — пространства и времени; во-вторых, они свидетельствуют о принципиальных когнитивных различиях между представителями разных культур; в-третьих, во всех случаях имеются основания считать, что определяющим фактором в формировании различий является *язык*.

Данная книга посвящена осмыслению исследований в лингвистике, когнитологии, антропологии и нейронауке, которые позволяют пролить свет на место языка в когнитивной архитектуре. В центре нашего внимания находится *идея лингвистической относительности*: представление о том, что структура родного языка

влияет на мышление, восприятие, память и другие когнитивные способности, и это ведет к полной или частичной несоизмеримости когнитивных стилей и картин мира носителей разных языков. Принцип лингвистической относительности был впервые сформулирован на профессиональном лингвистическом и антропологическом уровне в рамках американского структурализма, что связано с углубленным изучением америндских языков, обладающих целым рядом особенностей в сравнении с индоевропейскими языками. Ключевую роль сыграло появление компаративных работ Эдварда Сепира и Бенджамина Уорфа в 1930-е гг. С этого периода принцип лингвистической относительности, или «гипотеза Сепира-Уорфа», активно изучается языковедами и психологами, но, надо сказать, с переменным успехом. Исследования достигают кульминации в 1990–2010-е гг., когда лингвистическая относительность, по сути, трансформируется в масштабный антропологический проект, который посредством сравнительного анализа представителей разных культур призван определить подлинное место языка в структуре когнитивности. Такая трансформация проблемы лингвистической относительности связана с рядом тенденций в когнитивной науке: конструктивизм, преодоление коммуникативистского взгляда на язык, признание роли телесности и социокультурного опыта в формировании познавательных способностей, ориентация на кросскультурный анализ и др. Она также стала возможна благодаря введению новых приборов и методов для изучения взаимосвязи языка и мышления: компьютерный анализ, айттрекинг, разнообразные датчики движения, магнитно-резонансная томография (МРТ), функциональная магнитно-резонансная томография (фМРТ), электроэнцефалография (ЭЭГ), неинвазивная стимуляция мозга и др. С 1990-х гг. количество подвергнутых анализу языковых сообществ выросло в разы, но оно все еще остается ничтожным в сравнении с общим числом народов, существующих на планете. Учитывая тот вызов, который перед малыми социокультурными мирами ставит глобализация, сейчас у нас имеется последний шанс зафиксировать эти миры в аутентичном виде, поэтому крайне необходимо расширение полевых исследований и вовлечение в этот проект молодых ученых.

Книга состоит из трех разделов и приложения. В первом разделе представлен довольно подробный анализ развития релятивистских идей с конца XVIII в. по 1990-е гг.: рассмотрены работы И. Г. Гамана, В. фон Гумбольдта, Л. Вайсгербера, Ф. Боаса, Э. Сепира, Б. Уорфа, Дж. Хойера, Э. Бенвениста, Д. Хаймса, М. Сильверстейна и других мыслителей; как мы надеемся, удалось показать, что сама формулировка релятивистского принципа сильно зависит от общего психолингвистического контекста и конкретных теорий языка и мышления, так что говорить о единой «гипотезе лингвистической относительности» не представляется возможным. Во втором разделе рассматриваются компаративные исследования 1990–2010-х гг., посвященные пространственной семантике, концептуализации времени, цветообозначениям и другим эмпирическим и теоретическим проблемам, связанным с тем, что можно охарактеризовать как *неорелятивистское направление* в психолингвистике и когнитивной антропологии;

основной вывод состоит в том, что несмотря на впечатляющие результаты неореалистивистов, само это направление имеет ряд недостатков, которые обусловлены его зависимостью от более ранней модели психолингвистических исследований, сформированной в 1950–1960-е гг.; дальнейший прогресс в когнитивно-антропологических исследованиях должен быть связан с переходом от старой модели, построенной в контексте споров об универсальном и относительном, к новой модели, предполагающей изучение языка и когнитивной архитектуры в аутентичных социокультурных условиях их функционирования. Эта новая модель названа нами *пострелятивизмом*, и ее теоретическое наполнение представлено в третьем разделе, о чем более подробно будет сказано ниже. Наконец, к основной части книги также имеется приложение. Оно посвящено праиндоевропейскому мировоззренческому комплексу поэтического видения, который оказал влияние на складывание многочисленных зрительных метафор в индоевропейских языках и на интеллектуальные практики, в том числе на философствование; смысловая связка *истина—бытие—свет* отличает индоевропейское мировидение от других языковых картин мира, в частности от языков австралийских аборигенов, где доминирует акустическая метафора.

Изначально главы книги писались как заготовки лекционного курса по проблеме взаимосвязи языка и мышления. Этим отчасти объясняется их обзорный и вводный характер: первый раздел является полностью историографическим, второй раздел содержит много обзорного материала, а в третьем разделе авторские идеи представлены в основном в связи с анализом конкретных исследовательских направлений. Главным преимуществом такого изложения является то, что все теоретические утверждения подкреплены широким и разнообразным эмпирическим материалом; кроме того, каждый раздел снабжен подробным заключением, а авторская позиция по основным вопросам резюмирована в Главе 14.

При написании книги мы исходили из того, что ее основными читателями будут лингвисты, философы, когнитологи и гуманитарии широкого профиля. Хотелось бы высказать несколько предварительных соображений, которые помогут лучше понять изложенный материал:

- Проблему взаимосвязи *конкретного* языка (а значит, и *разных* языков) и когнитивных способностей не следует путать с проблемой того, как *факт* усвоения языка вообще влияет на когнитивные способности. Иначе говоря, «традицию Сепира и Уорфа» не нужно смешивать с «традицией Выготского». Данная книга посвящена именно тому, как *разные* языки влияют на когнитивные способности, а проблема трансформирующей функции языка в ней рассмотрена лишь в небольшой Главе 9. Безусловно, эти темы и в теоретическом, и в эмпирическом плане связаны друг с другом, и пострелятивистская парадигма требует учета этой связи, однако для ее всестороннего осмысления еще необходимо время.

- Одним из условий понимания представленного в книге материала является отказ от популярной трактовки «гипотезы лингвистической относительности», в частности от распространенных идей о том, что имеется ее общепринятая интерпретация; о том, что существует ее «сильная версия» и «слабая версия»; о том, что она предполагает абсолютный релятивизм; о том, что она внутренне противоречива; и пр. Лучше забыть обо всем этом и начать изучать проблему с чистого листа. Дело в том, что так называемая «гипотеза лингвистической относительности» является результатом операционализации отдельных аспектов теоретических моделей Сепира и Уорфа, происходившей в 1950–1960-е гг. По подсчетам некоторых исследователей, существует не менее 200 формулировок этой «гипотезы», так что само обращение к указанному понятию запутывает ситуацию.
- «Гипотезу лингвистической относительности» следует отличать от «принципа лингвистической относительности». Последнее понятие действительно встречается в работах Уорфа (у Сепира — «относительность формы мышления»), и оно имеет вполне конкретный смысл в рамках его более общей теоретической модели. Употребляя в этой книге термин «лингвистическая относительность», мы подразумеваем тот смысл, который в это понятие вкладывал Уорф (если не оговорено иное).
- В наиболее широком плане релятивистский тезис означает, что структура конкретного языка оказывает влияние на когнитивные способности его носителей. Понимание этого тезиса зависит от того, как трактовать термины «язык», «когнитивные способности» (в том числе «мышление») и «влияние». Указанную проблему следует рассматривать, с одной стороны, в контексте более общих теоретических воззрений того или иного мыслителя, а с другой стороны, в контексте тех психолингвистических идей, которые были распространены при его жизни. Только такой контекстуальный подход позволяет понять *то, что* каждый раз подразумевается под высказываемой (или опровергаемой) релятивистской идеей. Нередко оказывается так, что внешне сходные высказывания, сделанные в принципиально разных контекстах, имеют различный смысл (и наоборот).
- Часто проблему лингвистической относительности сводят к влиянию лексики языка на когнитивные способности. Среди нелингвистов вообще распространена тенденция сводить язык к лексике. Между тем наиболее интересные релятивистские идеи касаются не лексики, а грамматики, или, по крайней мере, закрытых «грамматичных» классов лексики. Именно на это должно быть обращено внимание.

- Когда рассуждают о влиянии языка на когнитивные способности, то часто имеют в виду потенциал языка («что возможно в языке») и потенциал когнитивности («что может носитель языка или чего он не может»). Более правильной представляется оценка конкретных моделей использования языка, или конвенционального способа говорения (у Уорфа — *fashion of speaking*), и конкретных особенностей когниции, демонстрируемых не в ситуации эксперимента, а в естественных условиях. Может оказаться, что редкая в типологическом плане категория, наличествующая в языке, почти не используется, а тривиальные категории употребляются таким уникальным образом, что порождают когнитивный эффект.
- Нужно понимать, что полноценная теория, претендующая на объяснение релятивистских эффектов, должна включать описание *психолингвистического механизма*, посредством которого структура языка может оказывать влияние на когнитивные способности. Как представляется, именно отсутствие такового описания (по крайней мере, эксплицитного) у Сепира и Уорфа вызвало многолетнюю дискуссию вокруг их идей.
- Принцип лингвистической относительности не стоит смешивать с внешне похожими философскими формулировками, принадлежащими Л. Витгенштейну, М. Хайдеггеру и другим крупным мыслителям. Эти формулировки сделаны в контексте соответствующих масштабных философских систем, и они, как правило, не имеют прямого отношения к релятивистской проблематике. Идея лингвистической относительности является преимущественно *психолингвистической* и *эмпирической*, хотя она и покоится на неявных онтологических основаниях, которые могут быть подвергнуты критике с философских позиций.

Эти соображения могут оказаться полезными для понимания первых двух разделов книги. Что касается третьего раздела, то в нем представлена попытка обрисовать контуры той новой парадигмы в изучении языка и когнитивности, которая может быть сформирована путем интеграции методов и достижений когнитивной антропологии, психолингвистики, когнитивной лингвистики, нейролингвистики и других научных направлений. Обозначая эту парадигму как *пострелятивистскую*, мы имеем в виду, что необходим уход от старой дискуссии вокруг проблемы релятивизма и от той психолингвистической традиции, в рамках которой эта дискуссия происходила. Пострелятивизм — это призыв к интегральному изучению языка и когнитивности в аутентичных социокультурных условиях. Лишь после появления многочисленных исследований такого типа имеет смысл рассуждать об универсальных и относительных чертах когнитивности и моделях функционирования языка в когнитивности. Разумеется, в этой книге мы не стремимся дать ответы на все существующие вопросы по теме; скорее, *мы хотим правильно поставить вопросы и указать наиболее перспективные направления поиска.*

Пострелятивистская модель может быть наполнена различным содержанием. В свете современных исследований мы полагаем, что наиболее адекватно ее содержательное ядро, касающееся места языка в когнитивной архитектуре, должно формулироваться следующим образом (более подробно см. Главу 14):

- ***Язык является организацией значимых элементов.*** Язык не является автономной, «модулярной» способностью, так что его следует рассматривать в связи с другими когнитивными системами. В самом общем плане он может быть понят как организация, или категоризация, значимых элементов. Поскольку эти элементы являются *значимыми*, то язык должен определяться как структура, обеспечивающая категоризацию концептуальных репрезентаций, отражающих внешний опыт. Природа языка не объяснима чисто формальными характеристиками. То, что принято называть формальной системой, или внутренней формой, находится в зависимости от содержания.
- ***Структура каждого языка уникальна.*** Любой естественный язык характеризуется уникальной дистрибуцией значимых элементов. Полноценное определение какой-либо категории языка предполагает обращение к другим его категориям, а те, в свою очередь, требуют обращения к прочим категориям и т. д. Отсюда следует, что язык в когнитивном плане может быть приблизительно представлен как система взаимных отсылок и перманентных различий (вспомним соссюрское «в языке нет ничего, кроме различий»). Границы внутри такой системы всегда *лингвоспецифичны*. С одной стороны, лингвоспецифичность затрагивает то, как язык взаимодействует с информацией из внешнего опыта, как он оформляет и конструирует смысловую сферу, а с другой стороны, она касается формальных характеристик. К последним относится, например, понятие «слова» и само разделение на морфологию и синтаксис. Лингвоспецифичностью обладает также базовая классификация по частям речи: и границы категорий, и морфологические признаки, и критерии для выделения — все это зависит от строя конкретного языка. Лингвоспецифичность проявляется и в области формальной грамматичности, лексических систем, дискурса и референции. Таким образом, каждый естественный язык уникален практически во всем, что, впрочем, не препятствует существованию типологии.
- ***Концептуальная система является набором перцептивных символов.*** В классическом когнитивизме знание, составляющее основной фонд долговременной памяти и являющееся рабочим материалом для высших когнитивных операций, представлялось амодальным, то есть независимым от сенсомоторных систем. В складывающейся посткогнитивистской парадигме знание, или набор концептуальных репрезентаций, мыслится

в тесной связи с сенсомоторной информацией. В наиболее полной современной теории — теории «перцептивных символьных систем» — репрезентация определяется как зафиксированное сенсомоторное состояние, или *перцептивный символ*. Такой символ имеет общий нейронный субстрат с реальным восприятием и воображением, однако паттерны активации у них нетождественны. Перцептивный символ обладает чертами схематичности и символичности: он отражает лишь каркас ситуации и способен порождать бесконечное число конкретных репрезентаций определенного типа. Организация нескольких символов, или *симулятор*, имеет те же свойства, что и классическая пропозиция. Такая система способна репрезентировать виды и конкретные экземпляры, осуществлять категориальный вывод, формулировать абстрактные концепты и пр. Активация симулятора, или *симуляция*, выглядит на нейронном уровне как возбуждение сенсомоторных регионов через посредство прилегающих к ним «конвергентных зон». Модальностью обладают не только конкретные значения, но и абстрактные — в том числе грамматические и метафорические — концепты.

- ***В субъективном плане симулятор представлен как ментальная модель.*** На субъективном уровне набор перцептивных символов имеет вид *ментальной модели*. В процессе формирования ментальной модели действуют те же механизмы, что и во время воображения, однако нужно учитывать, что воображение является сознательным и детализированным, в то время как ментальная модель — нерефлективна и схематична. Субъективный аспект симуляции занимает центральное место в спекулятивных и интроспективных исследованиях когнитивных лингвистов. Он также анализируется в симуляционной семантике. Таким образом, в посткогнитивистской перспективе концепт мыслится как сложный феномен, включающий имажинативную, нейронную, моторную, перцептивную и аффективную составляющую.
- ***Усвоение языка приводит к трансформации когнитивности.*** Язык не является факультативным дополнением к уже готовой когнитивной архитектуре, но принимает участие в формировании архитектуры нового типа. Человек имеет врожденный набор базового знания, который связан с низшим уровнем когнитивности. Низшие системы дают ограниченные способности к категоризации, абстрактному мышлению, счету, кондициональному мышлению, пространственной ориентации и др. В процессе усвоения языка формируется дополнительный уровень интеграции информации и контроля, который позволяет преодолеть ограниченность низших систем. В результате человек приобретает способности к точному счету > 3 , пространственной ориентации на основе гетерогенных признаков, метарепрезентации, пониманию чужого сознания, аналогии-

ческому мышлению и др.; это дополняется важной процессуальной инновацией — повышением контроля и волевой активности с помощью интериоризированной речи. По-видимому, трансформация заключается не столько в реструктурировании низших систем, сколько в *настройке* дополнительного и перманентно активного когнитивного уровня.

- **Язык вовлечен в невербальную когнитивность.** То, что принято считать «невербальной» когнитивностью, в действительности содержит *вербальный компонент*, но в неявной форме. В свете новых свидетельств более корректно говорить не о «вербальном» и «невербальном», а об «эксплицитно вербальном» и «имплицитно вербальном». Имплицитная вербальность, или внутренняя речь, формируется посредством интериоризации эксплицитной вербальности. Она имеет полную и редуцированную форму. Ее основная глобальная функция заключается в реализации волевого контроля. На базе локальных функций внутренняя речь интегрирована в когнитивные операции: она участвует в анализе, синтезе, категоризации, рассуждении, запоминании, извлечении информации, порождении высказывания и др. Скрытая артикуляция часто сопровождается речедвигательной импульсацией, то есть сенсомоторной активацией. В формальном плане внутренняя речь представляет собой имажинативную симуляцию внешней речи и других знаковых систем. Она, таким образом, наследует особенности родного языка, в том числе его уникальную структуру. Проникая в когнитивность, речь специализирует ее работу на разных уровнях.
- **Язык специфицирует работу когнитивных систем.** Поскольку на уровне имплицитной вербальности язык всегда вовлечен в когнитивность, то его категориальная система *оставляет свой след* в общем процессе категоризации. Главная особенность внутриязыковой категоризации заключается в том, что язык дает концепту лексический или грамматический статус. Лексический статус подразумевает выделение для концепта лишь одного сегмента в рабочей памяти, более прототипическую активацию и ряд категориальных эффектов. Грамматический статус предполагает обязательность, схематичность, бессознательность, автоматическое внедрение в ментальные операции и др. Перманентная вовлеченность языка в когнитивность в форме внутренней речи означает, что его уникальная категориальная система оказывает влияние на отдельные процессы. Участие языка в конструировании ментальной модели ведет к лингвоспецифичности симуляции. Он также специфицирует память, зрительное восприятие, слуховую модальность, моторную систему, жестикуляцию, воображение, пространственные репрезентации и эмоциональную сферу. Таким образом, содержащаяся в языке имплицитная категоризация затрагивает многие познавательные процессы.

Представленная модель когнитивной архитектуры, в которой важная роль отводится структуре конкретного языка, имеет широкие последствия. Она позволяет по-новому посмотреть на место языка в познании, на соотношение языка и мыслительных процессов, на релевантность типа языкового выражения для культурного кода, и др. Однако главное следствие из указанной модели касается глобальных мировоззренческих и философских вопросов. Не скроем, что к написанию этой книги нас подтолкнули именно философские мотивы, так что в глубинном плане она является философской. Дело в том, что, как видно из представленной модели, мы сами укоренены в определенной социокультурной ситуации. Наше мышление и наши рассуждения зависят от многовекового культурного багажа, выкристаллизовавшегося в структуре языка и в конвенциональных способах его использования. Конечно, это не абсолютная зависимость, поскольку взаимопонимание между представителями разных культур возможно. Тем не менее это весьма существенная зависимость, которая оставляет свой след на научном и философском дискурсе. Само философствование происходит в стихии языка, чему, к сожалению, не так часто уделяется внимание (в лучшем случае говорится о лексике, но не о грамматике). *Специфичность этой познавательной и экзистенциальной ситуации требует глубокого осмысления*, что можно сделать, лишь обратившись к фактам языкового и когнитивного многообразия. Достичь полной свободы от языка и своей традиции невозможно, да и вряд ли в этом есть необходимость. К чему действительно способен привести опыт столкновения с иными языковыми сообществами, так это к лучшему пониманию себя, к осознанию собственных границ и в то же время безграничности самого процесса познания и узнавания. Именно эта мысль вдохновляла нас на протяжении всей работы.

Раздел 1

РАННИЕ ТЕОРИИ

ГЛАВА 1

НЕМЕЦКАЯ ЛИНГВОФИЛОСОФИЯ

§ 1.1. Онтологический контекст

В плане философского вопрошания Новое время характеризуется значительным своеобразием. Это своеобразие связано с переформатированием всей философской проблематики, фундированной в понимании сущности истины. Хайдеггер мастерски схватил данный сдвиг, охарактеризовав новоевропейскую эпоху как «время картины мира» (нем. *Die Zeit des Weltbildes*). На заре этого периода человек начинает мыслиться как арбитр всего сущего, властно оценивающий степень действительности других вещей. Бытие же человека не подвергается сомнению и считается самоочевидным, первичным, поэтому человек и начинает описываться как *subjectum* ‘субъект’ (букв. ‘брошенное под’, ‘под-лежащее’): это слово употреблялось в средневековой философии по отношению к разнообразным «вещам» — деревьям, камням, животным и даже Богу; его закрепление за человеком мотивировано тем, что человеческое бытие начинает мыслиться как обладающее наибольшей достоверностью. Внешний мир схватывается в представлении, *repraesentatio*, то есть мир понимается как помещенный *перед* человеком, как нечто противостоящее, как пред-мет, *objectum* (букв. ‘брошенное перед’). Отношение человека к внешнему миру — это отношение онтологического центра к периферии; попадая в область субъектного познания, внешний мир вовлекается в особую сферу властного воздействия. Хайдеггер так описывает логические следствия из нового формата отношений:

Новизна этого процесса заключается никоим образом не в том, что теперь положение человека среди сущего просто другое по сравнению со средневековым или античным человеком. Решающее в том, что человек, собственно, захватывает это положение как им же самим устроенное, волевым образом удерживает его, однажды заняв, и обеспечивает его за собой как базу для усиленного развертывания своей человечности. Только теперь вообще появляется такая вещь, как статус человека. Человек ставит способ, каким надо поставить себя относительно опредмечиваемого сущего, на себе самом. Начинается тот род человеческого существования, когда вся область человеческих способностей оказывается захвачена в качестве пространства, где намечается и осуществляется овладение сущим в целом. Эпоха, определяющаяся этим событием, нова не только при ретроспективном подходе по сравнению с прошлым, но и сама себя полагает как именно новая. Миру, который стал картиной, свойственно быть новым [Хайдеггер 1993: 50].

Возникновение данной онтологической модели получило разные определения в философской традиции: «зарождение чистой гносеологии», «возвышение гносеологии над онтологией», «создание субъект-объектной сферы», «новоевропейский субъективизм», «новоевропейский индивидуализм» и др. Такой разброс характеристик обусловлен различием в теоретических подходах. Однако не вызывает сомнения тот факт, что новоевропейское философствование обладает значительным своеобразием.

Представленная онтологическая модель лежит в основе мышления тех философов и лингвистов, которые искали ответ на вопрос о влиянии структуры языка на познание. Это справедливо для всей традиции, идущей от Гамана к Уорфу и современной когнитивной науке. Сама постановка вопроса об особой роли языка обусловлена, по-видимому, характером представленной модели. Стоит также отметить, что именно в этот период возникает неологизм «мировоззрение» (нем. *Weltanschauung*). Он впервые встречается в работе Канта «Критика способности суждения». Это, без сомнения, не является случайностью. За неологизмом «мировоззрение» скрывается взгляд на сущее как на картину, как на конструкт определяющего представления. Данное понятие будет играть большую роль в гумбольдтианстве, откуда перейдет во многие другие лингвофилософские системы.

§ 1.2. Ранний период

Особенно чувствительна к проблеме языковой идентичности немецкая традиция¹. Внимательность к родному языку связана с обостренным национальным чувством немцев. Оно отмечается уже в XVII в., когда в контексте политического упадка Германии создаются лингвистические кружки и ордены, имеющие яркую националистическую и пуристскую окраску. Одним из идеологов движения языковых обществ выступил Ю. Г. Шоттель (1612–1676), которого принято считать также основателем немецкой лингвофилософии. Шоттель придерживался взгляда о божественном происхождении языка: он видел в языке дар, который посылается Господом каждому народу и который содержит «чудеснейшую сущность естественных вещей» и «великие тайны вечности». Задача человека состоит в том, чтобы правильно воспользоваться этим даром, выступающим, по сути, символической картой материальной и духовной действительности. Архаизм представленной идеи, обнаруживаемой еще у платоников и в герметизме, разбавляется у Шоттеля обостренным национальным чувством: по его мнению, каждый немец обладает не только «человеческой природой», но и «немецкой языковой натурой», которая сочетается с особым стилем немецкого мышления. В утверждении о специфике

¹ Немецкое направление лингвистической философии рассмотрено в замечательных работах О. А. Радченко [Радченко 2000; 2002; 2005], на которые мы будем частично опираться в данной главе.

немецкого мышления можно видеть зачатки релятивистских идей. Шоттель приложил немало усилий для развития немецкого языка. Он активно занимался опровержением распространенного в его время представления о том, что немецкий язык является грубым и варварским. Существенную роль в изменении отношения к немецкому языку сыграло его собственное поэтическое творчество. Представления Шоттеля о языковой натуре развил Г. В. Лейбниц (1646–1716), который, к тому же, в век безраздельного господства латыни высказал идею о том, что для философских и научных исследований лучше всего подходит немецкий язык; по убеждению Лейбница, это связано с его особым лексическим богатством, то есть с наличием большого числа выражений для «реального».

Шоттель, Лейбниц и другие германофилы подчеркивали специфику немецкого языка и важность его использования, однако они не говорили напрямую о влиянии структуры языка на мыслительный процесс. Судя по всему, эта идея была впервые систематически выражена лишь в конце XVIII в. Здесь следует схематично очертить интеллектуальный контекст, в котором она формировалась. Упомянутая выше новоевропейская модель предполагала две смысловых ориентации при решении проблемы познания: либо фундирование достоверного знания в субъекте, либо выведение его из объекта. Первая ориентация доминировала в *рационализме*, или *нативизме*, где достоверное знание связывалось с разумом и врожденными идеями; вторая ориентация преобладала в *эмпиризме*, где источником знания считался чувственный опыт, при этом разум понимался как механизм по перекомпоновке чувственных впечатлений. Спор рационалистов и эмпириков попытался разрешить И. Кант (1724–1804), в результате чего он, по сути, развил третий подход к проблеме познания. В самом общем виде позиция Канта может быть представлена следующим образом: чувственные впечатления важны для познания, они используются при формировании достоверного знания, однако всеобщий характер знания возможен лишь благодаря априорным формам чувственности и рассудка, которые присущи, так сказать, структуре субъекта. Кантианский подход сосредоточен именно на этой структуре субъективности, или на сфере *трансцендентального*. К сожалению, Кант не уделил должного внимания вопросу о влиянии языка на познание. Эту брешь была призвана заполнить последующая немецкая лингво-философия.

Первые опыты в данной области принадлежат другу Канта — И. Г. Гаману (1730–1788). Гамана можно считать родоначальником идеи лингвистической относительности, поскольку именно он дал спекулятивное обоснование тезиса о влиянии внутренней организации языка — как лексической, так и грамматической — на процесс познания. Свое мнение по проблеме соотношения языка и мышления Гаман ясно сформулировал в письме Гердеру от 6 августа 1784 г.: «Разум есть язык, *logos*» [Hamann 1825a: 151]. Центральное место языковой системы в модели Гамана объясняется двумя обстоятельствами: во-первых, религиозными взглядами философа; во-вторых, критическим отношением к рационализму, который, по его мнению, нивелирует богатство феноменальной действительности и пытается

сковать жизнь цепями абстракций и схоластических формул. Гаман полагал, что язык имеет божественное происхождение, поскольку именно Бог научил человека истинному языку, когда тот был еще в раю. С тех пор человеческое познание тесно связано с языком, и в идеале лингвистическая структура должна выступать символической картой для изучения небесной действительности. Однако после грехопадения характер языка изменился: он оказался под воздействием «человеческих мнений», то есть всех ментальных особенностей, свойственных определенному сообществу. Усваивая язык, член сообщества усваивает и специфический способ мышления. Процесс развития языка происходит на основе уже сложившихся мнений, получивших отражение в языке, и новых мнений; при этом разные языки имеют общее ядро, наличие которого объясняется, с одной стороны, единством их божественного истока, а с другой стороны, единством человеческой природы. К сожалению, Гаман лишь декларирует тезис о различном влиянии языков на познание, и у него нет эмпирических исследований на эту тему. Как и его предшественники, Гаман выступал за развитие немецкого языка и расширение сферы его употребления: «Каждый язык требует способа мышления и вкуса, составляющих его своеобразие... Кто пишет на иностранном языке, тот должен уметь, как любовник, приравливать свой способ мышления. Кто пишет на своем родном языке, тот имеет домашнее право супруга, если он им владеет» [Hamann 1821: 130–131].

Интересно, что в творчестве Гамана обнаруживается важный критический элемент, который позволяет говорить о том, что немецкий философ предвосхитил парадигму философского мышления, сложившуюся после «лингвистического поворота» 1920-х гг. Дело в том, что Гаман, опираясь на традицию номинализма, предложил оригинальный философский проект, суть которого состоит в сведении «критики познания» к «критике языка» (подробнее об этом см. [Лобанова 2010]). По его мысли, конкретный язык обуславливает мышление, и отсюда следует, что, во-первых, на другом языке философствование имеет иной облик, а во-вторых, многие философские построения являются лингвистическими химерами. В письме Якоби от 23 апреля 1787 г. Гаман замечает: «Наши понятия о предметах меняются новым языком, новыми знаками, которые рисуют перед нашими очами новые отношения или, напротив, восстанавливают старые, изначальные, истинные». В другом письме он уже прямо утверждает: «Вся наша философия более состоит из языка, нежели из разума». В своем незавершенном сочинении «Метакритика пуризма чистого разума» Гаман предложил пересмотреть кантовскую философию с учетом роли языка в познании. Он критикует метафизику за то, что она «преступно обращается со всеми словесными знаками и фигурами речи нашего эмпирического познания, доводя их до сплошных иероглифов и типов идеальных отношений, а честное прямотушение языка превращает этим ученым бесчинством в такое бессмысленное, текучее, непостоянное, неопределенное нечто = x, что не остается ничего, кроме свиста ветра, магической игры теней» [Hamann 1825b: 8]. В письме Якоби от 14 ноября 1784 г. Гаман выражает свое понимание проблемы трансцендентального:

Я задаюсь не столько вопросом, что есть разум, сколько вопросом, что есть язык! И здесь я подозреваю причину всех паралогизмов и антиномий, в которых обвиняют разум; отсюда получается так, что слова принимаются за понятия, а понятия — за вещи как таковые. В словах и понятиях невозможна экзистенция, которая причисляется лишь предметам и вещам [Hamann 1868: 15].

В письме от 29 апреля 1787 г. он уже открыто критикует Канта и его подход, развитый в «Критике чистого разума»: «Разум для меня — идеал, бытие которого я изначально предполагаю, но доказать не могу из-за призрачности явления языка и его слов. Благодаря этому талисману, мой земляк воздвиг замок своей критики, и только благодаря ему же чары могут быть развеяны» [Ibid.: 513].

Таким образом, по мнению Гамана, критика чистого разума в принципе невозможна, поскольку невозможно встать на внеисторичную и внеязыковую позицию. Критика разума должна трансформироваться в критику языка, то есть в демонстрацию того, как мышление воплощается в языке и как философствование аффицируется языком. К сожалению, проект Гамана не получил эмпирического наполнения. Зависимость философского стиля и даже философского вопрошания от структуры конкретного языка или группы родственных языков до сих пор слабо исследована. Мы еще вернемся к этой теме в заключительной части книги, где в свете современных открытий указанный вопрос будет поставлен по-новому (см. § 14.7).

Важный вклад в разработку релятивистской проблематики внес И. Г. Гердер (1744–1803). Гердер учился у Канта на теологическом факультете Кенигсбергского университета, он также дружил с Гаманом. Его взгляды представляют собой попытку примирить универсализм Канта и релятивизм Гамана, при этом внимание он акцентирует на социокультурной и языковой обусловленности познания. Гердер высказывает следующие идеи: «человек становится разумным благодаря языку», «чистый, обходящийся без языка разум, — это утопия», «лишь язык превратил человека в человека», «у нас разум — только благодаря языку» [Гердер 1977: 234–235, 238–239]; иными словами, он эксплицитно связывает мышление с языковой способностью. Далее, он утверждает, что язык, проникая в познавательный процесс, становится важнейшим средством передачи традиции и народного духа:

Ни у одного народа нет представлений, которых он не мог бы назвать; самый живой образ тонет в темном чувстве, пока душа не находит нужный признак и не запечатляет его благодаря слову в воспоминании, памяти, рассудке — в рассудке всего народа, в традиции... Язык — это печать нашего разума, благодаря которой разум обретает видимый облик и передается из поколения в поколение [Там же: 234–235].

По мнению Гердера, язык является той пропастью, которая разделяет человека и животных. Его наличие обеспечивает единство человеческого познания, так что даже дикий не уступает во многих отношениях образованному европейцу. Однако в каждом конкретном случае язык наделяет мышление специфическими чертами. Именно поэтому для Гердера огромное значение имеет разнообразие языков и познавательных стилей: